

формах, у тому числі за посередництвом мережі нелегальної періодики, забезпечувало її розвиток і зберігало національний дух¹. У Польщі в кінці ХХ – на початку ХХІ століття вийшло чимало цінних досліджень з історії регіональної легальної преси Другої світової війни: *Владислави Вуйцік* на території Генеральної губернії², *Станіслави Левандовської* – у Варшаві³, *Гжегожа Грицюка* – у Львові⁴ та інші, в яких, проте, український матеріал використано дуже незначною мірою. Винятком у цьому сенсі слугує монографія *Атнешики Цесьлікової*⁵, присвячена всьому комплексу періодики Львова (польськомовної, україномовної, легальної і підпільної). Поруч з аналізом змісту польськомовних друкув (в тому числі підпільних), що виходили у Львові за радянського й німецького режимів (щоденника «Czerwony Sztandar», літературних видань – місячника «Nowe Widnokręgi» й кварталника «Almanach Literacki», газет «Kurier Polski» і «Gazeta Lwowska»), авторка демонструє обізнаність з обставинами виходу, змістом, колом авторів легальних україномовних періодичних видань (радянських – «Вільна Україна», «Ленінська молодь», окупаційних – «Львівські вісті», «Українські щоденні вісті», «Рідна земля», «Студентський прапор» і т. д.), з пресою ОУН і УПА, що друкувалася в підпільних друкарнях на Волині і Львівщині й поширювалася на теренах міста, розкриває через її зміст тенденції в повсякденному житті Львова, настрої його мешканців, зміни в демографії і виступає сьогодні єдиним відомим нам дослідженням з історії тогочасної регіональної періодики, виконаним на порівняльному матеріалі. *Кишицтоф Вожняковський* прагне охопити всю цілість польськомовного легального видавничого руху в Генеральній губернії, аналізуючи змістове (тематичне) наповнення видань, без чого неможливо розв'язати проблему їх систематизації⁶. Досягненням ученого є також упорядкована в процесі дослідження у співавторстві з *Барбарою Гурою* бібліографія польськомовних друкув, що містить 775 описів і де в передмові вчений констатував тогочасну (станом на 2008-й рік) відсутність українсько- і німецькомовного порівняльного матеріалу⁷. За наявності такого матеріалу відкриється нове поле для спостережень і узагальнень.

На сьогодні видавничий рух є ще мало освоєним аспектом в історії періоду. Хоч стосовно важливості цієї проблематики сумнівів не виникає, якщо взяти до уваги значення друкованого масиву для вивчення всіх проявів життя соціуму. Легальний видавничий репертуар Другої світової війни являє собою творчий результат різних політичних, громадських, інтелектуальних угруповань і сотень авторів. Усі тогочасні книжкові, періодичні, аркушеві видання вимагають зваженої, нюансованої оцінки. Адже надто вже різними були побудники соціокультурної діяльності воєнного часу – як колективів, що функціонували в різних місцях Європи, так і індивідуумів.

УДК 370 (09) : 947

В. В. Ленская

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ И НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИЙ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается конфронтация коммунистической и нацистской идеологии в сфере школьного образования в военный период и её результаты

Ключевые слова: школа, идеология, мировоззрение, образование, воспитание, оккупация.

¹Jarowiecki, J. Konspiracyjna prasa w Krakowie w latach okupacji hitlerowskiej 1939–1945. – Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1980. – S. 7–8.

²Wójcik, W. Prasa godzinowa Generalnego Gubernatorstwa, 1939–1945. – Kraków : Wydawn. Nauk. Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1988. – 245 s. – (Prace monograficzne Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Krakowie ; t. 98).

³Lewandowska, S. Prasa okupowanej Warszawy 1939–1945. – Warszawa : Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1992. – 613 s.

⁴Hryciuk, G. «Gazeta Lwowska»: 1941–1944. – Wyd. 2, popr. i uzupeł. – Wrocław : Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego, 1996. – 205 s. : ill. – (Acta Universitatis Wratislaviensis, № 1273) (Historia ; 89).

⁵Cieślakowa, A. Prasa okupowanego Lwowa. – Warszawa : Neriton, 1997. – 335 s., [16] k. tabl. : fot.

⁶Woźniakowski, K. Prasa, kultura, wojna : studia z dziejów czasopiśmiennictwa, kultury literackiej i artystycznej lat 1939–1945. – Kraków : Wydawnictwo Naukowe WSP, 1999. – 355, [2] s. – (Prace Monograficzne / Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie ; № 252); Woźniakowski, K. W kregu jawnego czasopiśmiennictwa literackiego Generalnego Gubernatorstwa (1939–1945). – Kraków : Wydawnictwo Naukowe WSP, 1997. – 474 s. – (Prace Monograficzne / Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie ; № 230).

⁷Góra B., Woźniakowski, K. Bibliografia jawnych druków polskojęzycznych Generalnego Gubernatorstwa, 1939–1945. – Kraków : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2008. – 192 s. : ill.

У статті розглядається конфронтація комуністичної та нацистської ідеології в сфері шкільної освіти у воєнний період та її результати.

Ключові слова: школа, ідеологія, світогляд, освіта, виховання, окупація.

The article examines theoretical and practical confrontation between the communist and Nazi ideology and its results in the field of school education during the war.

Keywords: school, ideology, world outlook, education, occupation.

Борьба идей стара как мир и на всех этапах развития человечества подкреплялась силой оружия. Невозможно исследовать то или иное историческое событие, не затрагивая идеологических аспектов. В отличие от предыдущих масштабных войн Вторая мировая война стала бескомпромиссной борьбой идей. Её отголоски прочно вошли в общественное сознание современного украинского и других постсоветских обществ, вызывая неоднозначную реакцию. Современным политикам приходится считаться с этим фактором, что даёт основание считать заявленную тему общественно полезной и актуальной с научной, практической и воспитательной точки зрения.

В советской историографии конфронтация коммунистической и нацистской идеологий в сфере школьного образования на оккупированных землях практически не исследовалась из-за скудости доступных источников. Априори на эту тему, как и аналогичные ей, эксплицитно распространялись ура-патриотические чувства советского народа-победителя, руководимого коммунистической партией.

Первым, кто в украинской историографии, решился разорвать цепь советизированных концепций Второй мировой войны в целом, и культурного строительства, в частности, был М. В. Коваль. В его работах доминирует реалистическая, политически незаангажированная перцепция событий военного времени [14].

В постсоветское время расширились горизонты исследований, и в этой научной полифонии заметно начал преобладать оккупационный дискурс [11]. Вкупе с исследованиями советского периода это позволяет провести компаративный анализ политики коммунистического и нацистского руководства и сделать непредвзятые выводы о результатах идеологического противостояния двух социальных систем в области образования и воспитания украинских детей школьного возраста.

В предлагаемой статье автор ставит цель: на основе документов центральных и региональных архивов, периодической печати военных лет, мемуарной литературы, опубликованных документов и других источников проанализировать как противоборствующие стороны использовали общеобразовательную школу в своих стратегических планах, конечной целью которых являлась победа над противником.

Украина одна из первых республик европейской части СССР стала жертвой нацистской агрессии и была превращена в своеобразный культурный полигон для проверки и реализации теоретических установок нацистских идеологов в отношении народов, проживающих на советской территории.

В концепции нацистской оккупационной политики важное место отводилось культурному и духовному закабалению украинской нации. А. Гитлер негативно относился к украинцам. Он считал, что «украинский крестьянин не знает чувства долга», а весь народ «такой же ленивый, плохо организованный и по-азиатски нигилистичен как и русский и реагирует только на нагайку» [16, с. 169, 532, 534]. Из стратегических планов военного командования Германии, отдельных реплик, замечаний, высказываний, речей А. Гитлера и его адептов складывается вполне убедительная картина полного и безотлагательного порабощения населения Украины. В новом профашистском колониальном государстве коренному этносу отводилась роль не хозяев своей земли, а подсобного человеческого материала, способного увеличить мощь и богатство немецкой нации.

В силу своего менталитета украинское население, по большому счёту, было индифферентным к политике. Однако, когда дело дошло до попрания его человеческих прав и унижения национального достоинства со стороны оккупационной власти, то оно поднялось на явный или скрытый отпор. В любом случае взрослое население легче было уничтожить, чем заниматься его перевоспитанием, поэтому ставка делалась на молодёжь. В отношении её была разработана последовательная система мероприятий, центральным звеном которой являлось школьное образование.

В Советском Союзе общеобразовательная школа была фундаментом в многообразной системе коммунистического воспитания советских людей. В условиях огромного пространства и слаборазвитых коммуникационных систем она стала важным фактором влияния коммунистического режима не только на школьников, но и на их родителей.

В течение двух межвоенных десятилетий советское правительство осуществило реинституализацию народного образования на новых принципах, обеспечив доступное, бесплатное семилетнее образование, что без преувеличения можно отнести к числу фундаментальных достижений советской власти. В 1940/1941 учебном году в Украинской ССР работали 32132 школы с контингентом учащихся 6 млн. 830 тыс. человек [17, с. 23], что было больше, чем в Болгарии, Польше, Румынии и Финляндии вместе взятых [21]. В течение предвоенного десятилетия в Киеве было построено 70 новых школ, в то время как за весь период царствования Романовых лишь 12 [5, л. 39]. Сюда следует присовокупить масштабную работу по коренной перестройке системы народного образования на западноукраинских землях, которые с сентября 1939 года вошли в состав УССР.

Реформация и унификация школьного образования проходила под жёстким идеологическим контролем коммунистической партии и советского правительства. Воспитание молодежи в коммунистическом духе осуществлялось как через учебно-воспитательный процесс, так и через детские самостоятельные организации: октябрятские, пионерские, комсомольские. Мощным способом идеологического воздействия на школьников стала центральная и республиканская пионерская и комсомольская пресса. Газеты «Юный ленинец», «Зірка», «Пионерская правда», «Сталинское племя», «Молодь України», «Комсомольская правда» и другие активно влияли на формирование мировоззрения учащихся в русле господствующей идеологии. Когда Германия начала войну против Советского Союза, большинство молодых защитников родной земли проявили искреннюю готовность к самопожертвованию.

С первых дней войны общеобразовательная школа втягивается в водоворот быстроменяющихся событий и становится ареной идеологического противостояния коммунистической, нацистской и других идеологий.

Несмотря на трудности военного времени, вынужденное сокращение и без того скудного финансирования, советская власть не собиралась сдавать своих позиций. На это указывает инструктивно-методическое письмо Наркомпроса УССР «Об организации учебно-воспитательного процесса в школах Украины в 1941/1942 учебном году». Его содержание сводилось к тому, что советская школа призвана воспитывать защитника советской страны и обязана подчинить всю свою работу задачам военного времени. В школьную программу были внесены соответствующие изменения: увеличилось количество часов на изучение отечественной истории, военно-физическую подготовку и медико-санитарное дело. Ученики и учителя в принудительном порядке привлекались к уборке урожая, охране населенных пунктов, железных дорог, промышленных объектов и т. п.

В неоккупированных регионах Украины в обычном порядке начались занятия. В поддержку этого важного политического акта «Пионерская правда» напечатала стихи С. Я. Маршака:

Приходит школьный новый год
Берите книги и тетрадь,
В огне, в дыму войны. Как старшие ружьё.
В поход, учащийся народ, Учитесь жить и защищать
Надежда всей страны! Отечество своё. [18]

В 1941/1942 учебном году в неоккупированных районах Сталинской (Донецкой), Ворошиловградской (Луганской) и Харьковской областей в соответствии с инструктивным письмом Наркомпроса Украины продолжали работать 1352 школы, в которых учились 154429 ученика [6, л.3]. Яркой страницей в историю отечественной педагогики вошла работа школ в катакомбах и штольнях Одессы и Севастополя в период длительной героической защиты этих черноморских городов. Наличие привычных очагов образования и культуры в прифронтовых районах положительно сказывалось на морально психологическом состоянии гражданского населения и вселяло в него веру в неминуемую победу над агрессором.

Завоевание вожделенных восточных земель ставило перед немецким командованием одну проблему за другой. Среди них выделялась своим постоянством задача удержания местного населения в беспрекословном повиновении новой власти. По замыслу стратегов агрессии её следовало решать политикой террора, разрушения советских символов, дезинформации и сегрегации. Сам А. Гитлер считал, что именно «школьное образование... является альфой и омегой всего...», а «...политическое мнение массы является только результатом обработки её души и разума» [12, с. 73, 350].

Несмотря на некоторые тактические разногласия, существовавшие между А. Розенбергом и Э. Кохом в отношении Украины, ими была разработана система мероприятий от фильтрации детей в

возрасте 6 – 10 лет для выявления полноценных и неполноценных среди них до создания оккупационной системы образования и воспитания оставшихся в живых с целью «дать им половинчатые знания», чтобы слепить «человеческий материал, необходимый для возделывания земли» [22, с. 59, 61].

«Реформаторы народного образования» демонтировали советскую систему просвещения и начали форсированную декоммунизацию и фашизацию школьной жизни. «Прежде чем обрабатывать детей в духе новой Европы, - отмечалось на страницах профашистского журнала, - необходимо создать соответствующий школьный режим, который должен помочь внедрить в натуру ребенка качества этого духа» [23, с. 85].

По мнению оккупантов, наиболее подходящим инструментом духовной манипуляции детьми должна была стать сеть четырехклассных «народных школ», желательна, подконтрольных гестапо. Так, в Харькове его руководители еженедельно инструктировали директоров школ о предстоящих задачах на следующую неделю. Особое внимание уделялось преподаванию гуманитарных дисциплин в соответствующем нацистской идеологии формате. Главное требование гестаповских инструкторов сводилось к формуле: «минимум знаний – максимум послушания» [1, л. 59].

Составной частью монополии оккупантов на информацию стало уничтожение более 2 млн. советских учебников и цензура оставшихся. К чему это привело свидетельствует статья «Об учебниках в украинских народных школах», опубликованная в 1942 году в «Педагогическом информационном бюллетене». В ней говорилось: «Эти учебники мы выправили, но исправление имело чисто механический характер. Советские слова, например, такие как «колхозник», «пионер», «ударник», «стахановец», «социалистическое строительство», «Красная Армия», «комсомолец» и другие были заменены словами, которые отвечали современности, но замена отдельных слов в целом советизированном контексте не достигает цели...» [7, л. 86].

Жизнь заставила немецкую администрацию запретить даже исправленные учебники. Оберфюрер Шайдт прямо заявил: «Марксизм сумел внести как в букварь, так и в научную книгу по сельскому хозяйству марксистский подход в такой мере, что для будущего строительства почти вся имеющаяся литература непригодна» [19].

Вся работа школ в оккупированных районах была направлена на подавление всякого проявления детской инициативы и отстранения школьников от общественной жизни. «Никаких собраний и организаций. В классе только дежурный. Газет не нужно. В классе должен быть портрет фюрера и один - два плаката», - было сказано в инструкции для директоров школ. [8, л. 8, 184].

Повсеместно в учебных заведениях проводилась национальная дискриминация. Государственными языками были объявлены немецкий и румынский. Русская и украинская речь жестоко преследовались. Детей подвергали публичной порке, а их родителей штрафам, если в письменных работах школьников встречались украинские или русские буквы. Нормой школьной жизни стало гендерное неравенство. При формировании классов предпочтение отдавалось мальчикам. На 40 учеников принимали не более 5 девочек. В лучшем случае им удавалось поступить в школы домоводства [2, л. 71].

В порядке вещей считалось физическое наказание и духовная манипуляция. В «Педагогическом информационном бюллетене» настоятельно рекомендовалось «влиять на учащихся морально и физически». Учителя, не скованные моральными принципами и правовыми нормами, били детей, заставляли их по несколько часов стоять на коленях [3, л. 74]. Педагогам вменялось в обязанность распространять среди детей провокационные слухи, небылицы, ложные сообщения о состоянии дел на фронте и т.п.

Таким образом, открытые на оккупированной территории школы отторгали детей от привычной школьной жизни, не развивали, а подавляли их способности и веру в себя, унифицировали и стандартизировали личность ребёнка. В таком состоянии активного онемечивания находилось не менее четверти миллиона украинских детей, а 75 тыс. были убиты [10, с. 364].

Однако, как показывают документы, ни изощёренные, ни грубые методы фашистского воздействия на молодёжь, не смогли в большинстве из них убить чувство патриотизма, национального достоинства и отваги. Ребята в меру своих сил и возможностей оказывали сопротивление врагу. Многие из них бойкотировали колониальную школу, а если всё-таки вынуждены были учиться в ней, то едко критиковали и высмеивали установленные порядки, хулиганили в ней и всячески пакостили. В статье журналистки Е. Коноваленко «Мужество юных» рассказывается о 4-х девочках – подростках, поклявшихся, невзирая ни на что, тайно носить пионерский галстук и оказывать сопротивление новой власти. Они выпускали самодельную газету

«Пионер – партизан» и вывешивали её в городе. В одной из них девочки написали: «Мы учимся при немцах в их поганой, противной школе. Они врут нам о наших бойцах небывалые басни. Мы – пионеры и потому должны связаться с партизанами» [21].

Обструкция ребятами нацистской школьной политики принимала самые разнообразные формы. На стенах школьных зданий появились надписи: «Долой немцев!», «Да здравствует советская школа!» и им подобные. Учащиеся сознательно нарушали дисциплину, срывали учебный процесс, стреляли из рогаток в портрет Гитлера, писали на нем бранные слова [9, л. 187].

Любимой, тайно распеваемой частушкой была:

Эй, ты, Гитлер, твердый лоб.

Закажи себе ты гроб.

Если гроба не закажешь,

То живым ты в землю ляжешь! [4, л. 72].

В ряде районов Украины бойкот нацистской школы принимал массовый характер. По подсчётам журналистов Л. Бровченко и В. Чопенко, только один процент детей школьного возраста посещали так называемые «народные школы» [19]. Зато наметилась отчётливая тенденция к созданию подпольных советских школ на временно оккупированной территории и легальных – на территории партизанских краёв и зон. Только в Волынской области в них обучалось около 10 тыс. школьников [13, с. 105]. В зоне боевых действий партизанского соединения С. А. Ковпака состоялись собрания учителей действующих школ по вопросу проведения уроков истории [15, с. 38].

Нелегальная работа советских школ в противовес «народным» имела далеко идущие политические и социальные последствия. Связанные с коммунистическим подпольем и партизанскими соединениями, они были олицетворением постоянного, хотя и невидимого, присутствия советской власти на вероломно захваченной оккупантами украинской земле. В народе укреплялась вера в недолговечность оккупации и жизнеспособность советов.

Военные поражения Германии на территории СССР вынудили её свернуть организацию социальной жизни на оккупированной территории Украины, тем более, что население, чем дальше, тем более враждебно относилось к «новому порядку». А что касается «школьной политики» оккупантов, в основе которой лежала цель переформатировать мировоззрение юного поколения и лишит советскую власть достойной смены, то здесь, как ни в одной другой области колониальной политики, было очевидно отсутствие хотя бы малейшего прогресса. Тем не менее, разновекторные идеологические влияния оставили определённый след в сознании поколения «детей войны». Послевоенное советское общество постепенно перестало быть идейным монолитом. Антикоммунистические идеи повлияли на формирование политического кругозора шестидесятников, диссидентов, перестройщиков. В долгосрочной перспективе коммунистическое мировоззрение оказалось вытесненным на периферию общественной жизни.

Изучение послевоенной деформации коммунистической идеологии и взаимосвязь этого процесса с памятью «детей войны» о годах военного лихолетья в диапазоне от подсознательного до осознанного достойно стать предметом специального исторического исследования.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Харьковской области. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 127.
2. Российский государственный архив социально – политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 1. – Оп. 7. – Д. 49.
3. РГАСПИ. – Ф. 1. – Оп. 7. – Д. 19.
4. РГАСПИ. – Ф. 1. – Оп. 7. – Д. 49.
5. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАОО Украины). – Ф. 1. – Оп. 32. – Д. 191.
6. ЦГАОО Украины. – Ф. 1. – Оп. 16. – Д. 1.
7. ЦГАОО Украины. – Ф. 7. – Оп. 3. – Д. 1198.
8. ЦГАОО Украины. – Ф. 7. – Оп. 3. – Д. 1188.
9. ЦГАОО Украины. – Ф. 7. – Оп. 3. – Д. 1188.
10. Безсмертя. Книга пам'яті України 1941 – 1945. – К.: Пошуково – видавниче агентство «Книга пам'яті України», 2000. – 944 с.
11. Беллеца С. А. Освіта в Україні під час нацистської окупації (На матеріалах Дніпропетровської області) / Сімоне Аттіліо Беллеца // Український історичний журнал. – 2010. - № 3. – С. 78 – 91; Гінда В. В.

- Проблеми шкільної освіти в окупаційний період 1941 – 1944 рр. (на матеріалах Житомирського генерального округу) / Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Інститут історії України. – К., 2006. – Вип. 10. – Ч. 1 / В. В. Гінда. – С. 312 – 321; Єржабкова Б. Шкільна справа та шкільна політика в рейхскомісаріаті «Україна» (1941 – 1944) у світлі німецьких документів. Переклад з німецької / Бланка Єржабкова. – К.: Наукова думка, 2008. – 272 с.; Ленская В. В. Школа Украины как объект разновекторных идеологических влияний в период нацистской оккупации / Вторая мировая война в контексте всемирной истории: сб. науч. статей по итогам Международной науч. конф. Волгоград, 7 – 8 октября 2010 / науч. ред. и сост. Е. Г. Блосфельд. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. В. В. Ленская. – С. 152 – 158. – 224 с.; Стефанюк Г. В. Соціальна парадигма українського шкільництва в Галичині у роки німецької окупації (1941 – 1944 рр.) / Архіви окупації. 1941 – 1944 / Держ. ком. архівів України; Упоряд. Н. Маковська. – К.: Вид. Дім «Києво – Могилянська академія», 2006 / Г. В. Стефанюк. – С. 811 – 817 и др.
12. Гитлер А. Моя борьба (перевод с немецкого) / Адольф Гитлер. – М.: «Т – ОКО», 1992. – 598 с.
13. Кобринец П. Н. Патриотическое воспитание в советских школах на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны / П. Н. Кобринец // Советская педагогика. – 1980. – № 5.
14. Коваль М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939 – 1945 рр.) / М. В. Коваль. – К.: Вид. Дім «Альтернативи», 1999. – 336 с.; Он же. Політика проти історії: українська історична наука в Другій світовій війні й перші повоєнні роки / М. В. Коваль // Український історичний журнал. – 2002. – № 1. – С. 3 – 26 и др.
15. Ковпак С. А. Від Путівля до Карпат / С. А. Ковпак. – К.: «Дніпро», 1962. – 144 с.
16. Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні / Володимир Косик. – Париж – Нью – Йорк – Львів, 1993. – 660 с.
17. Народна освіта, наука і культура в Українській РСР. Стат. зб. – К.: «Статистика», 1973. – 316 с.
18. Пионерская правда. – 1941. – 11 сентября.
19. Радянська освіта. – 1984. – 13 ноября.
20. Радянська Україна. – 1944. – 25 апреля.
21. Сталинское племя. – 1944. – 8 января.
22. Тревор – Ропер Хью. Застольные беседы Гитлера. 1941 – 1944 гг. (перевод с англ. А. С. Цыпленкова) / Хью Тревор – Ропер. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 655 с.
23. Умрейко С. А., Залесский А. И., Кобринец П. Н. Патриотизм учителей и школьников Белоруссии в борьбе против немецко – фашистских оккупантов / С. А. Умрейко, А. И. Залесский, П. Н. Кобринец. – Минск: Изд – во БГУ им.

УДК 27-79(477)

Л.М. Шугасва

ОСОБЛИВОСТІ ЕВОЛЮЦІЇ І ТРАНСФОРМАЦІЇ АНТИТРИНІТАРИЗМУ В УКРАЇНІ

У статті проаналізовано основні фактори впливу на еволюцію і трансформацію українського антитринітаризму.

Ключові слова: антитринітаризм, богомільство, евангелізація, трансформація.

Features of evolution and transformation antytrynitaryzmu in Ukraine.

The paper analyzes the main factors influencing the evolution and transformation of the Ukrainian antytrynitaryzmu.

Keywords: antytrynitaryzmu, bohomylstvo, evangelization, transformation

Особенности эволюции и трансформации антитринитаризма в Украине В статье проанализированы основные факторы влияния на эволюцию и трансформацию украинского антитринитаризма ключевые слова: антитринитаризм, богомільство, евангелізація, трансформація.

Осмыслення причин проникнення, поширення та еволюції антитринітаризму на українських землях набуває ефективності через детермінацію духовності соціуму в періоди функціонування даної течії. Ця особливість, з одного боку, засвідчує загальні еволюційні й концептуальні зміни світового